

А.А. Кожанов
(Москва)

ОБРАЩЕНИЕ С АРГУМЕНТОМ «НЕЯВНОГО ЗНАНИЯ» ВНУТРИ «КОГНИТИВНОЙ» СОЦИОЛОГИИ НАУКИ

Теоретический подход, называющий «ошибкой» точку зрения, согласно которой люди признаются экспертами на основании возможности получения ими опытного знания, заслуживает внимания уже потому, что это не самая распространенная точка зрения в социологии. Она характерна для одного из современных направлений когнитивной социологии науки и знания, возникновение которого было обусловлено, с одной стороны, традицией постмертоновской социологии науки, а с другой — постоянным обменом идеями между социологией науки и когнитивной наукой (чаще всего заимствованиями первой отдельных элементов второй).

В книге «Переосмысляя экспертизу» («Rethinking Expertise», 2007 г.) [1], принадлежащей перу британских социологов науки Роберта Эванса и Гарри Коллинза, проводится и тщательно охраняется граница между утверждениями: «все ученые и эксперты — люди» и «все люди — эксперты». Фактически, мы наблюдаем своеобразный откат так называемой «второй волны» в социологии науки. Данное направление вдохновлялось идеями А. Сикурела, Г. Гар-

финкеля и П. Уинча. Казалось, что его представителям в какой-то момент удалось решить проблему демаркации науки и других организованных форм убеждений посредством приведения всех форм убеждений к единой рамке социальной эпистемологии. Вторая большая надежда 70-х годов — «вторая волна» — довольно причудливо использовала в своих исследованиях пришедшийся ей по вкусу «когнитивный» поворот в социальных науках. Однако вместо того, чтобы применять когнитивные методы для анализа деятельности ученых, К. Кнорр-Цетина, Б. Латур, Т. Пинч, Э. Пикеринг, Г. Коллинз и другие применили свои методы для анализа когнитивной деятельности ученых. Другой порядок слов — и совершенно другие полвека социологии науки, специфическая «когнитивная» социология. Иными словами, они выполнили задачи «когнитивизма» ровно наполовину — представили свой объект когнитивистским, состоящим из интенций и убеждений, связанных в мышлении, но не изменили при этом свои инструменты исследований и свои подходы.

Самым релевантным названием их *метода* «когнитивного» изучения науки может считаться «когнитивная антропология», возникшая как попытка «соединить социальную антропологию и когнитивные науки» [2, р. 2001]. В период так называемой «этнонауки» в когнитивной антропологии (после 1956 г.) базовым был следующий тезис: «Культура не существует в вещах, людях, поведении или эмоциях, но только в формах или организации вещей в сознании людей» [3, р. 168]. Эти «формы или организации» конструировались как таксономии — целостные выражения культуры. В настоящее время когнитивная антропология в большей степени тяготеет к теории обработки информации; «*cognition*» определяется как ментальная активность индивида, активно применяющего знание в различных контекстах.

На самом деле, амбиции когнитивного анализа науки объяснялись тем, что до 1970-х годов социология науки могла изучать все: социальную организацию науки, мотивацию ученых, их карьеры, кооперацию в лаборатории, — но не само содержание научного знания. Первым, кто не на словах, а на практике применил радикальный способ вскрытия «когнитивной» структуры социально организованных убеждений, был М. Малкей, который в работе «Открывая ящик Пандоры» [4], написанной им в соавторстве с Г. Гилбертом, предпринял чрезвычайно важную и смелую попытку изучить содержание научного знания через анализ дискурса.

Нетрудно заметить, что «поворот» в социальных науках, декларируемый как *когнитивный*, в социологии науки проявился, скорее, как поворот *лингвистический*, поскольку М. Малкей, будучи антропологом, мог наблюдать лишь вербальное поведение ученых, занятых своей повседневной деятельностью. Он стремился продемонстрировать, что господствующая трактовка науки как норм научной рациональности и ее социологический синоним — нормы научного этоса Р. Мертона — не являются «правдой жизни». Для этого Малкей предложил рассматривать науки в двух измерениях: через анализ когнитивных и технических норм. И то и другое со временем трансформировалось в концепты «наука как культура» и «наука как практика», а затем соединилось в едином, хотя и весьма запутанном концепте *tacit knowledge* — «неявное знание».

Существуют две стандартные точки зрения на природу «неявного знания» [5]. В рамках одной из них, «неявное знание» определяется как результат непосредственного опыта индивида. Обоснованность данной подхода подтверждается многочисленными примерами неформального обучения, некоторыми положениями теории организации, усвоением второго языка и т.д. В соответствии

с другой точкой зрения, люди биологически предрасположены к определенным типам «неявного знания», которые не предполагают непосредственного личного опыта [6]. Несмотря на толкование, принятое в когнитивной науке, наиболее типичным для современной социологии науки является такое понимание и использование концепта *tacit knowledge*, которое К. Кнорр-Цетина выразила в метафоре о мышке и кошке: для того чтобы спастись, мышка не нуждается в истинной картине опасности — она должна просто бежать, максимально быстро и в максимально правильном направлении [7]. *Tacit knowledge* этой спасшейся мышки составляет то, что в когнитивной психологии называют когнитивной картой (например, выученные маршруты лабиринта, по которым мышка бежала). Узнав «как» это надо делать, мышка становится экспертом, рассказывающим другим коллегам «что» им надо делать. Такая мышка-ветеран, возможно, и не представляет, почему на самом деле она избежала опасности, она не имеет никакого привилегированного доступа к «самому делу», но вера в имеющееся у нее «неявное знание» наделяет ее авторитетом в глазах потребителей соответствующей информации. И если она теоретически обобщит опыт успехов и неудач, если она сформулирует правило, то она вполне может быть названа «экспертом» в области спасения от котов — экспертом, для которого уже не имеет значения, о каком именно коте идет речь, для какого именно лабиринта даются советы и, в конечном счете, какой процент прослушавших курс достигнет успеха в реальной обстановке.

В своей книге «Эпистемические культуры» К. Кнорр-Цетина приводит выдержку из интервью с физиком-теоретиком:

К. Кнорр-Цетина: Как бы Вы описали разницу между новичком и экспертом?

Физик: ...только если вы достаточно долго были в поле и если вы видели все проблемы, вы способны знать (вы знаете) какие вещи надо

подвергнуть проверке, и вы действительно чувствуете необходимость проверить вещи такого рода, которые априори не выглядят для вас как проблемы. В то время как новичок (новоприбывший, *newcomer*) имеет плохое чутье относительно проблем, которые могут возникнуть, не имеет в своей голове ни малейшего представления о том, чтобы их проверить и недостаточно думает об ошибках» [8].

Следует обратить внимание на то, что в данном случае Кнорр-Цетина получила ответ на вопрос относительно обыденного употребления понятия «эксперт» в значении «сведущий», «опытный», а не социологическую интерпретацию *sui generis*, сопровождаемую специфическими оттенками власти/авторитета и социальной роли. Фактически, физик сказал, чем отличается опытный ученый от неопытного в контексте решения конкретной исследовательской задачи. Однако в традиции социологических теорий практик (в том числе использующих *tacit knowledge* как объяснение) ответ физика интерпретируется как критерий и граница так называемой «эпистемической культуры» — сложившейся культурной практики проведения исследований в данной предметной области со своими явными и не явными правилами, ритуалами посвящения и кодами воспроизводства знания. Расширительное понимание значения термина «новичок» (в смысле, «любой человек-с-улицы») характерно для многих социальных исследований научных лабораторий, поскольку социологи и этнографы сами были вынуждены выступать в роли новичков, «людей-с-улицы». На самом деле, они не только не были новичками в физике, в биологии и т.д., но и вовсе не собирались изучать предметную область знания, конструирование которого они наблюдали в условиях лаборатории. Слова физика, занимающего, судя по всему, всего лишь позицию наивного реализма и говорящего про «опыт», что он есть «сын ошибок трудных», для «этнографии науки» звучат как признание, изобличающее какую-

то особую и аналитически не постижимую роль опыта, служащего ключом к выявлению неписанных правил и социальных норм в экзотической стране под названием «физика высоких энергий».

Критика «сильного когнитивизма» в социологии науки была вызвана следующими обстоятельствами. Во-первых, ни Малкей и ни кто-либо еще после него в социологии науки не были действительно антропологами науки, тем более «когнитивными антропологами» (это наглядно показал К. Поппер в своей «Логике социальных наук».) Во-вторых, Малкей спровоцировал социологию науки начать изучать новый для нее предмет при отсутствии достаточного уровня оснащения методами и инструментами исследования. Все это привело к вражде между социологами науки «второй волны» и породило долгие споры о значении и статусе выводов Малкея.

Современные программы когнитивных исследований в социологии науки и знания

Тем не менее, сейчас, как и в 1970-е годы, продолжает действовать тот же «когнитивный импульс», который рождал уверенность, что наконец-то будут найдены ответы на вопросы, касающиеся связи убеждений и поведения, примата рационального или социального в институтах и в повседневной жизни. Одно из самых активных направлений в этой области — проект «социология экспертизы».

Социология экспертизы — сравнительно молодая исследовательская традиция внутри социологии науки (обновленная в 2002 г.), которая изучает эксперта как социальную роль, а знание эксперта — как новый тип знания, производного от научного. Производившиеся в рамках нее исследования позволили зафиксировать так называемую «иллюзию осведомленности», проявившуюся при

проверке способностей новичка и эксперта следовать определенным социальным правилам, уметь сформулировать эти правила, а также продемонстрировать дополнительные подтверждения своей компетентности — *credentials* — или их имитацию.

В знании о социальном мире Коллинз и «когнитивисты» видят не просто запас знания, имеющийся у индивида как у существа, а процесс «открытия» человеком «коллективности» мира и — как необходимое условие — использование им языка в коммуникации. Они пытаются показать, что наши когнитивные возможности, в том числе наш потенциал «народных социологов», не может быть полностью оценен посредством обращения к нашему запасу знания. Необходимо использовать специальные исследовательские методики, например тест Тьюринга, чтобы доказать, что наблюдаемое действительно является знанием, а не суждением или спонтанным ответом. Кроме того, они предлагают по новому переосмыслить понятие *tacit knowledge*, соотнести его с понятиями «научное знание» и «здравый смысл», а затем проверить гипотезу о «народной мудрости» средствами современной когнитивной социологии науки.

Традиция когнитивных исследований науки включает в себя огромное число прецедентных исследований «неявного». Вот лишь некоторые примеры знания, «неявного» для его носителя [5]:

- правовая экспертиза — определение критических факторов для рассматриваемого дела; идентификация прецедентов; развитие аналогий; построение аргументации;

- как торговать лицом к лицу на рынке; как максимизировать вероятность успешных продаж;

- устройство научного эксперимента (полировка металла, приготовление суспензии);

- езда на велосипеде; танцы;

- применение социальных правил; следование конвенциям;
- использование приемлемых фраз;
- «знание... заявляемое в традициях»;
- знание врачей о пациентах;
- определение того, какой журнал примет данную статью;
- создание и игра на музыкальных инструментах;
- способность пекаря испечь хлеб.

В большинстве случаев, понятие «неявное знание» использовалось для того, чтобы указать на огромные запасы неизученного знания — «народного знания». Специфика подхода Коллинза и Эванса [1] к понятию «народной мудрости» заключается в том, что под «народной мудростью» они понимают не сумму знаний и убеждений обычного человека или группы людей, а нечто иное. По их мнению, «народная мудрость» существует не сама по себе как результат жизненного опыта и научения (обыденной «индукции»), а как аудитория науки и как антитеза научному. В качестве примера они описывают ситуацию, показавшуюся им странной: викторианские антропологи были в состоянии понимать (или думали, что в состоянии) общества туземцев без личного контакта с ними, но и люди, соприкасавшиеся с туземцами напрямую, однако не имевшие особых научных знаний, думали так же. Исследования этнических и других меньшинств могли бы с большим успехом осуществляться обычными людьми, а не профессиональными антропологами или иными сертифицированными специалистами, кем-то из правящей аристократии или политиком, победившим на выборах. В основе интеллектуального доминирования одной группы над другой лежит феномен эпистемической привилегии, включающий в себя «неявное знание» как ключ к успеху.

Разумеется, Коллинз и Эванс отвергают любую положительную характеристику концепта «народной мудрости», поскольку

для теории экспертизы жизненно необходимо, чтобы у эксперта была публика, аудитория, потребитель. При отсутствии таковой, они будут иметь дело только с экспертами, а значит, это не будет иметь никакого смысла. Поэтому «народная мудрость» для них сводится к ситуации, когда есть аудитория, но нет эксперта или ученого. В этом случае, пишут Коллинз и Эванс, публика может: а) подражать науке, б) воспроизводить научные утверждения через повторение или в) заниматься паранаукой, производя заблуждения. Теория экспертизы предусматривает джастификацию и проведение границ между системами идей.

В новой работе Г. Коллинза «Неявное и явное знание» [9] содержится описание трех типов «неявного знания»:

1. *относительное* «неявное знание», связанное с индивидуальным опытом по приобретению знания;

2. *соматическое* «неявное знание», касающееся владения практиками поведения индивида — чаще всего телесными (Сюда же относится и то, что индивид не может сказать о своем поведении, хотя понимает его.);

3. *коллективное* «неявное знание», понимаемое в духе блуровской трактовки работ позднего Витгенштейна: только в условиях сообщества индивиды могут обладать верной интерпретацией правила, поскольку тогда они как бы подключаются к воображаемому серверу — источнику финитизма значений. Коллинз определяет коллективное «неявное знание» как общеразделяемые, но не выражаемые в языке мета-правила.

«Народная мудрость», по Коллинзу, была бы осуществима, только если бы индивид-обыватель смог пройти все три стадии усвоения «неявного знания» в рамках профессии ученого и, в итоге, получил бы разрешение на получение научного знания. Иными словами, «неявное знание» является необходимым, но

не достаточным условием для объективного знания. А поскольку «народная мудрость» ограничивается только «неявным знанием» внутри ненаучной культуры, то производить она может лишь заблуждения. Вспомним теорию связанных мнений Платона (диалог «Менон») — только ученые могут обладать подлинным знанием, поскольку знают о внутренних связях между причинами и следствиями. Публика же может иногда довольно удачно предсказывать или даже последовательно прорицать, но при этом она будет продолжать оставаться в неведении относительно природы своих удач.

Социология науки и знания прошла длинный путь изучения концепта «неявное знание» от философских попыток наделить «неявное знание» индивида мистической способностью быть источником огромных пластов убеждений и знаний до совершенного иного его понимания в работах современных ученых, полагающих что:

— «неявное знание» является не искомым сокровищем мудрости, а только способом, инструментом изучения содержания «явных» идей и их роли в понимании поведения индивида или его группы;

— «неявное знание» характеризует контекст принятия или отвержения индивидом или его группой тех или иных убеждений, в том числе научных;

— «неявное знание» состоит из правил, на основании которых исследователи могут восстановить интенции, объяснить способы обращения с вещами, наконец, объяснить явное знание, как его содержание, так и назначение;

— новое понимание «неявного знания» помещает «народную мудрость» на периферию социологии знания, поскольку наделяет широкую публику лишь способностью следить за действиями уче-

ных и экспертов, чье «неявное знание» позволяет им производить знание как таковое — явное, кодифицированное, теоретическое. А публика может оставаться со своим «неявным знанием» только как со знанием собственной беспомощности получить что-то большее. В лучшем случае, видимым продуктом такого «народного неявного знания» может быть осознание собственных заблуждений и невежества.

Итак, подведем итоги. Предполагала ли так называемая «когнитивная антропология», о которой говорилось выше, существование интуитивного ответа на вопрос о том, как можно приблизиться к системе убеждений других? Да, предполагала, при этом ключом, открывающим доступ к чужой системе убеждений, считался тезис о существовании *tacit knowledge*. Непосредственное влияние на перенос идеи «неявного знания» из антропологии в социологию, в частности в социологию науки и научного (экспертного) знания, оказал П. Уинч и его работа «Идея социальной науки» [10], в которой он рассуждал о поведении ученого так, как если бы он описывал его в терминах мотивов и «правил». Углядев в приеме Уинча прообраз нового метода изучения «сознания», социологи 1970—80-х годов стали применять его по отношению к «своей» культуре — науке, технологии, праву, медицине. Очевидно, что данная операция — операция наблюдения, запоминания последовательностей и их ассоциативного соединения в правила, объясняющие поведение индивида через убеждения его сообщества или его культуры — не является сугубо научным методом, а, напротив, свойственна всем людям (особенно детям) и развитым социальным животным. Так произошел когнитивный поворот в социологии науки, отказавшейся от бесперспективной, с эмпирической точки зрения, идеи М. Полани [11] о непередаваемом «личностном знании» и принявшей кажущуюся перспективной

идею коллективного владения «неявным знанием» как частью ненаблюдаемого спектра идей и убеждений человека в социуме.

С момента постановки вопроса о наличии «неявного знания» как философской гипотезы до начала эмпирических исследований в этой области прошло примерно полвека. Исследовательские стратегии строились вокруг различных контекстов и интерпретаций понятия *tacit knowledge*. За эти полвека социальные науки прошли сложный путь от философской интерпретации [11] до «когнитивно-информированной» теории экспертизы [1; 9], от явного номинализма до холистских попыток обсудить и исследовать *tacit knowledge* в коллективном и организационном контексте, от концепта «научное знание» до объясняющих его концептов «практика» и «экспертиза». Однако статус этих объяснений и сейчас не является бесспорным.

Литература

1. Collins H., Evans R. Rethinking Expertise. Chicago: University of Chicago Press, 2007.
2. Wassmann J. Cognitive Anthropology // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. Oxford: Elsevier, 2001. P. 2080–2085.
3. Goodenough W. Cultural Anthropology and Linguistics // Report of the Seventh Annual Round Table Meeting on Linguistics and Language Study / Ed. by P.L. Garvin. Washington: Georgetown University Press, 1957.
4. Гилберт Дж.Н., Малкей М. Открывая ящик Пандоры: социологический анализ высказываний ученых. М.: Прогресс, 1987.
5. Gourlay S. «Tacit Knowledge»: the Variety of Meanings in Empirical Research. Working Paper, 2004, URL: <http://ssrn.com/abstract=676466>.
6. Torff B. Tacit Knowledge in Teaching: Folk Pedagogy and Teacher education // Tacit Knowledge in Professional Practice / Ed. by R.J. Sternberg, J.A. Horvath. Mahwah, NJ; L.: Lawrence Erlbaum Associates, 1999. P. 195–214.
7. Кожанов А.А. Анализ экспертного знания и социальной роли эксперта как автономная предметная область современных социальных исследований науки // Социологические этюды: сборник статей аспирантов. М.: ИС РАН, 2006. С. 293–305.

8. *Klorr-Celina K.* Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1999.
9. *Collins H.* Tacit and Explicit Knowledge. Chicago: University of Chicago Press, 2010.
10. *Уинч П.* Идея социальной науки и ее отношение к философии. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
11. *Полани М.* Личностное знание. М.: Прогресс, 1985.

© Кожанов А.А., 2011